

Анатолий Беляев

Территория геологии

ШУРА

После защиты кандидатской диссертации у Людмилы появилась своя научно исследовательская тема. И в геологические экспедиции она стала выезжать самостоятельным отрядом. Наконец-то появилась возможность набрать в отряд только женщин. Всех мужиков Людмила считала «мурамоями» – людьми, способными создавать проблемы там, где их могло и не быть. Но для работы в экспедиции необходим шофер на грузовую машину. В те годы женщины – водители тяжелых машин были исключительной редкостью, и приходилось нанимать мужчину. А мужики, тем более шоферы, не любят, чтобы ими командовали женщины.

Зарплата шофера в геологической экспедиции по тем временам была вполне приличная, но по объявлению приходили устраиваться водители, которых не брали на постоянную работу в основном из-за пьянки за рулем. Практически все они были ранее лишены прав именно по этому пункту. И вдруг устраиваться на

работу явился профессор философии! Он рассказал, что каждый год во время отпуска и студенческих каникул выезжает в разные экспедиции – и впечатлений набраться, и страну посмотреть, и денег заработать.

У профессора были права категории «Е» с возможностью управлять тяжелыми машинами и автобусами. И ни одной «дырки» в талоне предупреждений. При этом он заявил, что не курит и не пьет.

С виду водитель выглядел очень интеллигентно и в манерах и в речи. Людмила сразу приняла его на работу. В те годы начальники геологических партий имели печати и, минуя отдел кадров, сами заключали договора о найме на работу и вносили записи в трудовую книжку.

В отделе никто из коллег не поверил в такую удачу с интеллигентным водителем, но Людмила с гордостью показала им справку с места работы, в которой говорилось, что профессору положен очередной двухмесячный отпуск.

Сотрудницы отряда уже предвкушали философские беседы у вечернего костра с интересным интеллигентным мужчиной о Гегеле, Канте, этике Шопенгауэра. Но не все золото, что блестит.

Конечно, шофер не пил, не курил и матом не ругался. Но машину совершенно не знал, и считал, что ремонтировать в экспедиции эту развалину он не обязан. А старая машина постоянно ломалась, так как он и водить по плохим дорогам толком не умел, и права явно купил. С мелкими поломками Людмила справлялась, обращаясь за помощью в разные автобазы. В те годы геологам всегда помогали. Но на крупный ремонт – за-

мену коробки передач или редуктора заднего моста приходилось вызывать слесарей из Ленинграда. Пока они ехали, ремонтировали и оттягивались на природе, работа стояла.

В это время профессор занимался в основном промыслом – скупал у рыбаков дефицитную красную рыбу и солил ее впрок. В конце концов, планы его неожиданно изменились, и он не может работать в экспедиции, как записано в договоре. Ему надо срочно вернуться в институт к первому сентября читать лекции студентам. В результате профессор практически сорвал работы партии. Вот уж действительно настоящий мурамой! Людмила была в ярости, но поделаться ничего не могла. Профессор намекнул, что сможет приехать в экспедицию на выходные, если ему оплатят дорогу на поезде. С такой наглостью Людмила еще не встречалась. Только одно событие немного скрасило конец сезона, когда оказалось, что вся засоленная рыба у профессора стухла.

Для того чтобы отогнать машину в Ленинград, с трудом удалось нанять шофера в одном из поселков. Но уже при въезде в город, шофер заявил, что не может дальше ехать при таком интенсивном и хаотическом движении. Он бросил машину на окраине и уехал в свой поселок.

На следующий год Людмила заранее вывесила объявление, приглашавшее для работы в экспедиции водителя с категорией «С». В прохладном вестибюле института она встретила очередным кандидатом на работу с редкой фамилией Бухлов. Издали мужчина ей понравился – спортивная фигура, приличный костюм,

необычная прическа. Но вблизи лицо сразу выдавало пристрастие к спиртному. И вместо переднего зуба чернел провал.

Людмила посмотрела испещренную записями трудовую книжку, и прямо спросила:

– Александр Васильевич, вы водку пьете?

– А есть? – оживился Шура.

– Да нет, это я так, в принципе, – Людмила смутилась оттого, что ее неправильно поняли.

– В принципе, не пью! – твердо заявил Шура, у которого просто не было такого принципа. И, на всякий случай, добавил: – Но связь с алкоголем поддерживаю.

– Значит, пьянство одобряете?

– Я не сторонник пьянства, – торжественно заявил Шура, – я жертва. А почему Вы спросили?

– Ну, лицо у вас, как бы это мягче сказать, несвежее, и переднего зуба нет.

– Я им почти не пользовался, – беспечно махнул рукой будущий водитель, имея ввиду передний зуб, – зато у меня есть скрытые достоинства.

– Какие? – заинтересовалась Людмила.

– Так вам сразу все и расскажи, увидите!

И достоинства у Шуры действительно были. Самое ценное его качество это даже не надежность в работе, а послушание и предсказуемость поступков. А, как известно, ничто так не ценит женщина в мужчине как послушание. Возможно, это отголосок древнего матриархата.

Шофера предупредили, что работать предстоит в женском коллективе, поэтому категорически запреще-

но употребление спиртного и использование нецензурных идиоматических выражений.

– Именно за этим я и еду в экспедицию, – с достоинством ответил Шура.

В экспедиции Шура отдыхал от зимней распутной жизни, и вел себя чрезвычайно послушно, так как за хорошее поведение в субботу получал наградные – «наркомовские» сто грамм водки после бани. А иногда еще пятьдесят граммов наградных. Всю неделю Шура ждал этого момента, и когда он наступал, то выпивал стакан натошак в один прием.

Но в начале первого сезона Шура все-таки «слетел с тормозов». Он отправился на машине забрать из маршрута двух геологинь. По дороге шофер где-то раздобыл и выпил бутылку водки. Когда он встретил геологинь, его уже порядком развезло и лицо приняло глуповато-счастливое выражение. Вылезти из кабины Шура уже не рискнул.

Геологини страшно испугались, увидев шофера в таком состоянии.

– Женщины, не бойтесь! – успокоил их Шура, с трудом ворочая непослушным языком. – Когда я пьяный, то всегда езжу медленно и осторожно! Даже если специально будете п...п...просить меня б..б..быстро ехать, я все равно не поеду!

Перспектива быстро ехать на машине с пьяным шофером геологинь не воодушевляла, но идти пешком по дороге до лагеря десять километров тоже не хотелось. Они взяли с Шуры клятву ехать медленно и осторожно.

Машина тронулась на первой передаче. Шоферу хотелось поговорить, и он все время поворачивался к геологиням, а те умоляли его смотреть только вперед.

– Мы же можем съехать с дороги, – предупреждали они Шуру.

– Ну, куда машина из колеи денется? – куражился пьяный Шура. – Ладно, – согласился он, – буду смотреть только вперед, но г..г..нать не буду!

– Правильно, куда нам спешить! – обрадовались геологини.

– Ни за что не буду гнать! – разошелся Шура, – даже если просить будете.

Женщины, конечно, и не собирались уговаривать его «гнать». Но шофер все больше распалялся и чтобы продемонстрировать свою непреклонность потребовал:

– Вот давайте, скажите мне: – «Шура гони!» – ну, давайте, скажите! – пристал он.

– Что ты, Шура, зачем, не надо! – вновь испугались геологини.

– Нет, вы скажите «Шура гони!» – разошелся шофер.

– Ну, зачем же, – взмолились геологини, – нам и так страшно.

– Просто так скажите, для смеха!

Но напуганным геологиням было не до смеха и им так и не удалось преодолеть свою робость и предложить Шуру гнать!

– А я все равно поеду медленно! – торжественно произнес Шура.

Они въехали в лагерь медленно и печально как траурная процессия.

Машину встретила Людмила, только что возвратившаяся из маршрута. Шура дружелюбно помахал ей из кабины рукой, типа: «начальству привет!»

Когда Людмила поняла, что водитель пьян как железнодорожник «в дрезину», ярость ее была страшна. Она сорвала с веревки мокрое полотенце и безжалостно отхлестала им Шуру. Геологини едва уняли разъяренную Людмилу.

Шура из кабины не вылез и вскоре там уснул. Ночью повариха разбудила его, и он осторожно пробрался в дом на свое место.

Рано утром Людмила вывела сотрудниц и построила для занятий модной в те годы аэробикой. Под ритмичную музыку девицы дружно задирали ноги. В дверях дома, арендованного под базу, появился Шура. Когда Людмила обратила на него внимание, он выразительно провел ладонью поперек горла, а потом поднял вверх скрещенные руки, показывая, что извиняется и с пьянкой завязал.

В этот день Шуру отстранили от поездок и Людмила сама села за руль Ласточки. Когда она неловко разворачивала машину перед домом, и, сдавая задним ходом, снесла часть штакетника, на крыльцо вышла повариха с пустым ведром.

– Прислонившись к дверному косяку, Шура с интересом наблюдал за маневрами неопытного водителя.

– Шура, ты куда поехал? – удивилась повариха.

– Я и сам не знаю! – удивился Шура.

Естественно, что Людмила запретила шоферу нецензурную брань. Поэтому в быту Шура обходился всего несколькими словами, которые, скорее всего, сам и придумал. Первое слово было «зачеплачить». Нетрудно было догадаться, что оно означает, когда выяснилось, что под «чеплаком» Шура подразумевал стакан. Второе слово «накатить» употреблялось как синоним первого, и использовалась для разнообразия устной речи. Попытки Шуры использовать слово Пичунда явно в другом значении были мгновенно пресечены.

Еще одно слово, которое часто использовал Шура, звучало как-то неприлично. При ремонте совершенно разных частей автомобиля он употреблял глагол «впердолить». Этимология этого слова так и осталось для всех загадкой. И хотя женщины подозревали наличие у него значения, не относящегося к ремонту автомобиля, Шура с честными глазами заверял их, что это специфический технический термин, и в зависимости от интонации он означает действия более чем с 50 различными деталями. Но девицам это слово интуитивно не нравилось, и они попросили Шуру при них его не употреблять.

«А как же я буду ремонтировать Ласточку? – с невинным видом вопрошал Шура. – Машина она тоже ласковое слово любит».

Но девицы дружно запретили водителю произносить это неблагозвучное слово, и пригрозили лишить его чекушки после бани.

Шура рассказал, что в таксомоторном парке, где он после армии работал слесарем, новый завгар решил

боротся за культуру производства и запретил рабочим ругаться. За мат в ремзоне лишали премии. Слесари стали меньше ругаться, но резко упала производительность труда, и план не выполнили. Бригадир агрегатчиков разъяснил ситуацию завгару:

«Раньше, бывало, скажешь: «Иван, подай вон ту хреновину», и все ясно, а сейчас пока вспомнишь, как она называется – полчаса пройдет».

Еще одно слово, которое постоянно использовал Шура в устной речи, на первый взгляд имело африканские корни. Очень часто он посылал Ласточку и различные агрегаты автомобиля «на дабангу». Несмотря на кажущийся женский род этого существительного, Шура использовал его в контексте явно в мужском роде. Женщины удивлялись незнакомому слову, так как по форме его применения догадывались, что оно вряд ли означает что-то хорошее. Но Шуре это слово явно нравилось, и он, интригуя девиц, напевал:

«Дабанга, горная дабанга.

Сколько лет прошло, но помним я и ты».

«Так, выходит, дабанга это цветок?» – наивно спрашивали девицы.

«О, нет, дабанга вовсе не цветок», – усмехался Шура.

Иногда, лежа под машиной, шофер орал во все горло на мотив песни «Ямайка»:

«Даба..а...а...а...нга,

Даба..а...а...а...нга!»

На просьбы девиц рассказать, какая она эта таинственная дабанга, Шура лишь многозначительно ухмылялся и интригующим шепотом сообщал:

– Дабанга шутить не любит, а любимое время Дабанги – ночь, хотя и днем она не дремлет и может себя проявить.

Девы не остались в долгу и тоже попробовали свои силы в образовании новых слов. В отместку они стали называть водителя «Ездун» с явной целью его обидеть.

Но Шура только усмеялся и приговаривал:

– И еще какой Ездун! – И нахально подмигивал девицам. – Быть может, когда-нибудь, я познакомлю вас с Дабангой, – если вы, конечно, не боитесь, – добавлял он зловещим голосом.

После бани и выпитой водки шофер иногда устраивал концерты. В юности он был стилигой и носил самый большой кок на Среднем проспекте Васильевского острова. Его прическе позавидовал бы сам Элвис Пресли. Шура был даже немного похож на своего кумира.

– Как-то раз хияли мы с чувихой по среднему Броду, – рассказывал Шура, – Брод это Бродвей, так мы называли Невский проспект, а Средний Брод это средний проспект Васильевского острова, – объяснял он девицам. – Чувиха – крановщица из нашего цеха. Я тогда на Сталепрокатном заводе работал, что на Косой линии, в горячем цеху вальцовщиком. Зарплата была – выше крыши. Одевался у знакомого портного. На мне шузы на манной каше, брюки дудочкой, пиджак в клетку с огромными накладными плечами, и длинный галстук до промежности. Такой галстук на Васильевском острове был только у меня, и сейчас еще в шкафу хранится. На фоне синего моря на пальме сидит обезь-

яна с гримасой и высунутым языком. А на чувихе короткая юбочка в обтяжку, накрашена, наштукатурена, все как полагается. Оба жуем чунгу.

– Что это такое?

– Ну, у питерских так сокращенно называлась жевательная резинка чунгвам. Еще песня была такая на мотив Чучи:

«Меж трущоб и небоскребов, много реклам.

Все американцы ходят и жуют чунгвам».

– А что такое чуча?

– В гинекологии это объект исследования, – блеснул эрудицией Шура, так что девицы смутились. – А еще, это песня Гленна Миллера – «Поезд на Чаттанугу» из кинофильма "Серенада Солнечной долины", а «чу-чу» – звук паровоза, идущего на Чаттанугу.

Так вот, – продолжил Шура, – хилем мы по среднему Броду, народ шарахается от нашего вида, а нам в кайф. Я стилигой стал не потому что они мне нравились. Много среди стилиг всякого дерьма было – мелкие спекулянты фарцовщики сынки и дочки состоятельных торгашей, чиновников и партийных бонз. Я их презирал и только из-за чунги с ними общался. И тут навстречу идут дружинники. Я нарочно перехожу на вихляющую походку, а чувиха начинает играть бедрами. В те годы в некоторых провинциальных городах ретивые дружинники стилиг задерживали и насильно стригли под полубокс, а узкие штаны распарывали. Но тут скандала не получилось – дружинники оказались с нашего сталепрокатного завода и меня узнали. Они хоть и рисовали карикатуры на стилиг в своем «комсомольском прожекторе», но по жизни относились

нормально. Ну, мы поздоровались, а прохожие возмущаются, что, мол, дружинники, вместо того чтобы задержать и приструнить стилияг, за ручку с ними здороваются. И тут, умора, подходит к нам участковый лейтенант и тоже со мной за руку и еще по плечу хлопает. Прохожие просто обалдели от такой сцены.

– А участковый почему с тобой поздоровался?

– Я в те годы занимался САМБО и выполнил норматив КМС – кандидата в мастера спорта, а лейтенант был перворазрядником. И пару раз я проводил тренировки на стадионе Динамо в секции САМБО, где он занимался. Показывал им свой любимый прием, которым всегда побеждал досрочно. Захватывал рукава куртки, толкал противника и на обратном движении натягивал его на себя, локоть своей правой руки поднимал вверх, заводил его с внутренней стороны за руку противника и делал вращательное движение обеими руками против часовой стрелки. И противник с вращением летел на ковер. Самбист побеждает досрочно, если выполнит бросок соперника на спину, оставаясь в стойке. Никто не мог устоять против этого моего приема, да и повторить немногие могли. Для этого хорошей реакции мало, надо иметь очень сильные руки. А я работал сталепрокатчиком вот и накачал бицепсы и трицепсы. И сейчас еще могу на одной руке подтянуться. Потрогайте.

Шура сжал руку в локте и девицы с уважением пощупали твердый бицепс.

– А что делает сталепрокатчик?

– Представьте себе, – разошелся Шура, польщенный вниманием, – раскаленная стальная лента с ши-

пеньем и искрами стремительно движется между вращающимися валками, которые обжимают ее до нужного размера. На выходе длинными щипцами надо успеть схватить ее за конец как змею у самого горла, и она, изгибаясь широкой огненной дугой, вылетает на стан. Я вставляю конец ленты в бешено вращающиеся валки, которые захватывают ее, и она также стремительно уходит на обжим меньшего размера. Тут главное следить за тем, чтобы она расклеенным концом не хлестанула по голому телу.

– Ты что же голый работал? – удивлялись девицы.

– Положено было надевать огнеупорную спецодежду, но жара на стане такая, что потом обливаешься, вот и сбрасываешь куртку, пока мастер не видит. За смену так намаешься, что рук не чувствуешь, зато сила невероятная. Я противника одними руками в стойке ломал или скручивал. Давайте покажу, – предлагал Шура девицам, но те со смехом отказывались.

– Рыжая, не бойся, я только первое движение покажу, – предлагал он лаборантке. В этом приеме даже мало сильных рук, есть одна хитрость – во время схватки мышцы должны быть расслаблены. Напряженный мускул теряет половину своей силы. И талант нужен, – вздыхал Шура, – и добавлял: – а талант не пропьешь!

Но Шура лукавил, именно Зеленый Змий уверенно клал его на обе лопатки.

– В армии я сделал мастера спорта, отслужил, вернулся на завод. Стиляги уже вывелись как-то сами собой. Пошла мода на хиппи. Но эти неучески мне не нравились. Моя чувиха вышла замуж за инженера,

вступила в комсомол, нарожала детей. И тут случилась обоюдная драка на Большом проспекте. Какие-то молодые кенты по-пьянке раздухарились и напали на меня с приятелем. Один вытащил нож и хотел, придурок, меня пырнуть, а я ему руку сломал. Нас всех замели. Нож, конечно, не нашли, а он оказался несовершеннолетним и папаша у него адвокат. Оказывается, перед тем как защищаться я должен был попросить этого соплива показать паспорт. В зоне есть «воры в законе», а про адвокатов говорили, что эта каста «вне закона». Я запомнил, как адвокат моего соседа по камере, подсевшего за хищение, любил повторять: «*Dura lex, sed Gerundium*». Это латынь и переводится что-то типа: «Закон суров, но это фигня!» Так мне перевел один лепила фармазон на пересылке.

Кто такой формазон? Это мошенник, он, кстати, много лет изображал из себя врача гинеколога. Насмотрелся он на вас с близкого расстояния.

– Как же так можно – без образования работать гинекологом, – смутились девицы.

– Ну, все же четыре класса, а может, даже четыре курса мединститута он все же окончил. А другой формазон стоматолог ничего не заканчивал, читал с трудом, но зубы рвал одним движением. Ничего не боялся.

Ну, расхитителя, естественно, оправдали, а мне вкатили двести шестую за хулиганство – два года лагерей. В Архангельской губернии лес валил. Потом на завод уже не взяли. Устроился таксистом, но быстро выгнали за пьянку в автослесари, а потом и вообще уволили по статье. С тех пор живу случайными зара-

ботками. Вот и вся моя жизнь кривая, – вздохнул Шура. – Эх, сейчас бы еще граммов сто на грудь накатить.

– И не мечтай! – одернула его Людмила.

Девичам навилось слушать шурины рассказы. Конечно, это не этика Шопенгауэра, но тоже интересно.

Шура обожал рок-н-ролл и мог долго рассказывать о истории и прелестях этого музыкального стиля. Впервые музыку в стиле ритм-энд-блюза исполняли чернокожие американцы и, поначалу, публика даже встретила ее в штыки и считала коммунистической заразой. Современный рок-н-ролл родился в 1954 году, когда Билл Хейли записал знаменитую песню «Rock Around the Clock» и покорила Америку. У нас рок-н-ролл в первое время был под запретом и считался «буржуазным влиянием Запада». Его распространяли на самодельных грамофонных пластинках, изготовленных из рентгеновских пленок, которые назывались «Рок на костях».

– У меня есть магнитофонная пленка с рок-н-роллами, – похвасталась рыжая лаборантка, – Шура, научи нас танцевать.

– Рок-н-ролл не ограничивает танцующих в движениях, – объяснял Шура с важностью музыкального критика. – Партнер, как бы, постоянно отбрасывает от себя партнершу, а та все время возвращается назад.

Однажды сосед по квартире – диск жокей ночного клуба уговорил меня продемонстрировать современной молодежи показательный ретро-танец. Я нашел свой пиджак, галстук, шузы на манной каше и брюки макароны. Начесал кок. С трудом уломали мою прежнюю чувиху быть партнершей. Она очень боялась, что

если муж про то узнает, а он у нее партийный, то разведется, несмотря на детей. А дети уже в школу пошли. Но уговорили. Показали мы буги-вуги «атомный» и «канадский». Народ просто визжал от восторга. Никто не танцевал, все стояли и хлопали. Наконец-то оценили настоящий стиль.

– Шура, покажи, наконец настоящий рок, – просили девицы.

– Рыжая, а ну выходи, – и Шура выдергивал на площадку лаборантку.

Из магнитофона гремел классический рок. Свободными и раскованными движениями Шура отбрасывал от себя партнершу, одной рукой, ловил и притягивал другой. Девицы дружно хлопали на четыре такта.

– А какие сейчас песни? – вопрошал Шура после танцев.

«Люби меня,
Люби меня,
Люби меня,
Как я тебя».

И при этом обкуренная толпа машет руками и трясется как на митинге в дурдоме. И спортивный рок-н-ролл мне не нравится, слишком быстрый и акробатический. А танец должен быть для души как джаз, с куражом с импровизацией.

Но, суббота заканчивалась, и все остальные дни недели Шура вел себя тихо и скромно, а бойкие девицы гоняли его как вороны кота. Но мудрый и опытный Шура терпел, так как знал, что скоро наступит ночь и таинственная дабанга вступит в свои права, и некото-

рые из неприступных и задиристых девок станут уступчивее.

После окончания полевого сезона шофер даже не забрал у Людмилы трудовую книжку и до весны перебивался случайными заработками. Сестра Шуры работала в столовой посудомойкой, и регулярно обеспечивала брата не только едой, но и работой по разгрузке продуктов. Поэтому Шура имел деньги на пиво каждый день.

Шура так удачно влился в женский коллектив, что геологини другого шофера уже не хотели. И он выдвинул дополнительные условия. Теперь, чтобы принять его на работу требовалось исполнить некий разработанный им самим ритуал. Людмила прихорашивалась, нанимала на полчаса черную Волгу с государственными номерами и в сопровождении мужа объезжала три пивных ларька на Васильевском острове. Обнаружив Шуру с кружкой пива в руке в компании собутыльников, она выходила из машины стройная как девушка в легком светлом платье, а сзади шел муж, изображая из себя охранника. Они подходили к подвыпившим мужикам и Шура, заметив Людмилу, отдавал кружку приятелям, вытирал рукавом губы от пивной пены и торжественно говорил:

«Ну, мужики, все, это за мной».

Людмила приветливо со всеми здоровалась и почтительно спрашивала:

«Александр Васильевич может быть Вас подождать?»

«Все готово? – сурово вопрошал Шура голосом руководителя полетов, и, получив подтверждение, за-

ключал: – Вперед!»

Если мужики начинали артачиться и не отпускали своего приятеля, Людмила давала знак мужу и он, вытащив бутылку водки, немедленно разряжал обстановку, а в случае имущественных притязаний тут же выплачивала все долги.

Шура вальяжно подходил к черной Волге, и шофер услужливо открывал ему дверь. Подняв руку в последнем приветствии своим корешам, Шура говорил: «Чао!» и Волга, взвизгнув сжигаемой резиной, срывалась с места, оставляя шуриных приятелей в полном недоумении и возможности свободного развития их фантазии.

О своих летних отлучках Шура не рассказывал, ссылаясь на государственную тайну. Поэтому одна из самых правдоподобных догадок по поводу такой востребованности Шуры явно на государственном уровне заключалась в том, что он суперэкстрасенс и помогает компетентным органам разгадывать происки иностранных разведок. А для релаксации Шуру отпускают на отдых в родную среду, где в привычной обстановке, расслабившись среди друзей, он только и может накопить необходимый для работы запас психической энергии – праны.

Шуру запирали на пару дней на квартире у Людмилы и приводили в состояние трезвости. Затем его везли в гараж, и он принимал Ласточку – старый, но надежный бортовой ГАЗ-51. У Ласточки была одна характерная особенность – сбоку она выглядела так, будто у нее между кабиной и кузовом прогнута рама и она напоминала животное с перебитым хребтом. Но Люд-

мила сразу обижалась на коллег, которые пытались острить по поводу ее Ласточки.

После окончания полевого сезона по тому же сценарию в середине рабочего дня на той же самой черной Волге Шуру подвозили к указанному им пивному ларьку. На глазах изумленных приятелей Шура вальяжно вылезал в распахнутую водителем дверь, отряхивал с нового элегантного костюма пепел сигары, приподнимая шляпу, говорил Людмиле и водителю: «Чао!» – и, раскинув руки, вихляющей «походкой пеликана» шел к своим обалдевшим корешам.

Сцена завершалась жалобным возгласом Людмилы: «Саша, останься!?»

И небрежным взмахом руки и категоричным ответом Шуры: «Езжай, надоела!»